

одна из главных причин революции 1905-1907 гг. состояла в неправильной государственной политике в отношении Церкви. В течение столетий христианские ценности определяли жизнь миллионов. С политикой секуляризации Петра первого был связан захват государством власти над Церковью, превращение ее в казенную палату. В результате этого произошло сужение духовного влияния Церкви, а это способствовало, в свою очередь, увеличению числа людей, живущих в Церкви формально, фиктивно. Тихомиров правильно считал, что Церкви нужно дать самостоятельность, возможность быть такой, какой она должна быть по своим законам.

Церковные иерархи и консервативные публицисты настоящий прогресс в развитии России связывали с развитием русского национального идеала – Православием и его усилением, самодержавием и его неизбежностью, с сохранением в быте больше национального, русского, независимостью от Запада в области мышления и национального творчества.

Литература

1. Святой праведный Иоанн Кронштадтский. М..Новатор, 1998 – с.327
2. Там же. с. 177
3. Там. же.с. 174
4. Там. же.с.327
5. Там. же. с. 173
6. Там. же. с. 177
7. Церковь и демократия. М.. Отчий дом, 1996 - с. 91

Савицкая С.С.

Ангел в поэзии М.Ю. Лермонтова

В творчестве М.Ю. Лермонтова ангел – одна из центральных фигур. Ангел не является для поэта пассивным существом, которое призвано лишь оттенить величественную фигуру Демона. Это цельный образ, оказывающийся не менее интересным, чем Демон. Ангелы в произведениях Лермонтова *живые*: они дышат, улыбаются, плачут, летают, поют, взаимодействуют с людьми. По наблюдению составителей частотного словаря языка Лермонтова, слово «ангел» более частотно (164), чем слово «демон» (110)¹⁵⁰. Это доказывает, что образ ангела отнюдь не случаен – он занимает важное место в произведениях Лермонтова. Созданные художником образы ангелов и весь ближайший

¹⁵⁰ См.: Частотный словарь языка М.Ю. Лермонтова // Лермонтовская энциклопедия. М., 1981. С. 717-774.

контекст, связанный с этими образами, составляют своеобразную поэтическую ангелологию М.Ю. Лермонтова.

Образы ангелов в лирике Лермонтова мы рассматриваем в трех аспектах: сюжетном («Ангел», 1831); образом («Ночь I», 1830; «Я не для ангелов и рая», 1831; «Молитва» («Я, Матерь Божия, ныне с молитвою», 1837)); функциональном, т.е. служащем элементом характеристики таких лирических героев, как женщина и ребенок. В последнем случае мы вводим в оборот терминологическую категорию «ангелического» как особого свойства, присущего только этим двум разрядам людей. Антропология Лермонтова включает в себя осмысление художником не только отрицательных, демонических свойств человеческой природы, но и свойств положительных, ангельских (ангелических).

В сюжетном и образном планах *ангел* в поэзии Лермонтова выступает как сверхъестественное существо, посланец Бога. Так, он может выполнять функцию карателя (стихотворение «Ночь I»). Поэт изображает «светозарного ангела», который, «сверкнув взором», передает человеку божий приговор:

«Спустишь на землю – где твой труп
Зарыт; ступай и там живи, и жди,
Пока придет спаситель – и молись...
Молись – страдай... и выстрадай прощенье...»

В совершенно другом ракурсе предстают ангелы в стихотворениях «Ангел» и «Молитва». Они выступают здесь в роли защитников людских душ, их охранителями. В последнем стихотворении лирический герой желает окружить любимую женщину не только всем самым лучшим, но хочет видеть рядом с ней ангела, равного ей по чистоте и непорочности.

«Ангелическое» – это особое внешнее и внутреннее качество лермонтовских героев. Такими свойствами (кротостью, нежностью, добротой) наделены, в представлении художника, женщина и ребенок. Генетически Лермонтов следует здесь романтической традиции сравнения чего-либо положительного со свойствами, приписываемыми в библейской традиции ангелам. «Небом он мерит землю, ангелами – людей»¹⁵¹, – подчеркивает исследователь П.Н. Сакулин.

В интимной лирике Лермонтова различают три основных цикла: «сушковский» (группа стихов, обращенных к Е.А. Сушковой), «ивановский» (обращенных к Н.Ф. Ивановой) и цикл стихов, связанных с именем В.А. Лопухиной. Исследователи отмечают принципиальное отличие «ивановского»

¹⁵¹ Сакулин П.Н. Земля и небо в поэзии Лермонтова // Венок М.Ю. Лермонтову. М.; Пг., 1914. С. 10-11.

и «сушковского» циклов от цикла стихов, обращенных к Лопухиной. В первых двух циклах интимной лирики Лермонтова преобладают мотивы обиды, укоры в непонимании, обмане. Неудивительно, что женский образ в этих стихах может наделяться как ангельскими, так и демоническими чертами. Например, в стихотворении «ивановского» цикла «Я видел тень блаженства; но вполне» (1831) соседствуют следующие определения: возлюбленная одновременно «ангел казни» и «чистый ангел». Небесные черты женщины парадоксально сочетаются с коварными.

Образ коварной обольстительницы появляется и в поздней балладе Лермонтова «Тамара» (1841). В центре этого произведения – демонический образ женщины, любовь которой влечет за собой смерть. Здесь внутренние и внешние качества героини противопоставлены друг другу, ее внешний облик – ангельский, внутренний – демонический: «Прекрасна, как ангел небесный, / Как демон, коварна и зла».

Иную характеристику получает женский образ в цикле стихов, связанных с именем В.А. Лопухиной, самой глубокой сердечной привязанностью поэта. В героине этого цикла, по нашему наблюдению, подчеркнуты только «ангельские» черты.

«Ангелическое» – неотъемлемая характеристика образа ребенка в поэзии Лермонтова. Именно по отношению к ребенку наиболее употребительны у поэта обращения: «ангел», «мой ангел». Отметим, что на языке христианской ангелологии дитя есть человекоангел, что выше самого ангела, существа бесплотного.

Ребенка лирический герой Лермонтова хочет окружить не одним ангелом, а всеми, не только небесными, но и земными (стихотворение «Ребенка милого рожденье», 1839). По нашему наблюдению, только в стихотворениях, посвященных детям, ангелы фигурируют у Лермонтова во множественном числе (стихотворения «Ребенка милого рожденье»; «Свиданье», 1841). Кроме того, говоря о детях, в стихах Лермонтова появляются не только и не просто ангелы, но такие их разновидности (чины), как херувимы и ангелы-хранители. Так, в стихотворении «Ребенка милого рожденье» подчеркивается небесное, ангельское начало в ребенке, его чистота и невинность: «Да будет дух его спокоен / И в правде тверд, как божий херувим». Категория «ангелического» в ребенке, таким образом, оказывается разнообразней этой же категории, входящей в состав женской природы.

Исследователь Д.Ю. Дорощев отмечает: «В ангелах просвечивает непосредственный облик Бога»¹⁵². Лермонтов в женщине и в ребенке как раз и подчеркивает эту божью искру, для поэта именно эти два разряда людей совмещают в себе основные черты ангелов: чистоту и невинность, непогрешимость и добродетель.

Смирнова Н. Л.

Христианские мотивы в ассоциативном фоне литературного произведения: материалы к уроку в светской общеобразовательной школе

Интерпретация литературного произведения в ходе его анализа зависит не только от методических и методологических предпочтений учителя, но и от его мировоззренческих установок. Восприятие русской классической литературы существенно обедняется, если учитель и ученик не читали Святого Евангелия, Деяний Апостолов, творений Святых Отцов и не знают ни одной молитвы.

Юным (да и зрелым) читателям откроется совсем иной А.С. Пушкин, если мы обнаружим в его стихотворении «Отцы пустынноики и жены непорочны...» почти буквальное повторение одноименной молитвы 777 Сирина, если соотнесем его более раннее стихотворение «Дар напрасный, дар случайный...» с уже упоминавшимся выше, сопоставим начальные строчки «Пророка» («Духовной жаждою томим...») с притчей о Самарянке. А если вспомнить сон Раскольников о моровой язве, который является метафорой тех событий, которые могли бы произойти по воле таких гордецов, как главный герой романа Ф.М. Достоевского! И многое-многое другое. Ассоциации совсем не случайны.

Нет необходимости в новом переписывании истории литературы, и будет неправильным превращать анализ и интерпретацию литературного произведения в иллюстрацию Евангелий. Даже самый «христианский» писатель создает собственную модель мира, и его концепция мира и человека может соотноситься с христианской, но никогда не равна ей.

Ниже мы предлагаем дидактические материалы к урокам по трагедии А.С. Пушкина «Скупой рыцарь» и пьесе-сказке Е.Л. Шварца «Дракон». Эти произведения прочно вошли в действующие программы по литературе, и основной акцент при их изучении делается на знакомство с драмой как родом

¹⁵² Дорощев Д.Ю. Место ангелов в христианской картине мира // Книга ангелов: Антология. СПб., 2001. С. 23.